

УДК 327.83 + 327.81

Дарья Михайловна Ковалева
аспирант Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: dmkovaljova@mail.ru

КОНЦЕПТ *SOFT POWER* КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Статья посвящена исследованию концепта «мягкой силы» в контексте современной политической науки и практики международных отношений. Автор последовательно рассматривает истоки концепта в истории политико-философской мысли, его современное состояние и приходит к выводу, что концепт «мягкой силы», выдвинутый Дж. Наем, приобрел наибольшую значимость для политологии как благодаря его стараниям по разъяснению данного понятия, так и благодаря соответствию данного концепта современным представлениям о предпочтительных способах регулирования международных отношений и поддержания миропорядка, а также его когнитивным возможностям (адекватному пониманию и объяснению мировых тенденций). Автор предлагает собственное видение определения и модели рассматриваемого явления. Показано, что методология оценки «мягкой силы» государств еще не сложилась, а использование статистики без данных опроса общественного мнения приводит к неудовлетворительным результатам. Особое внимание автор уделяет анализу стратегических дискурсов «мягкой силы» в политических исследованиях российских и китайских научных центров. Несмотря на ряд общих проблем ученые обеих стран признают, что «мягкая сила» должна стать частью государственной стратегии.

Ключевые слова: концепт, мягкая сила, международные отношения, внешнеполитическая стратегия

Появление новых концептов, их укоренение в дискурсивном поле различных наук представляет большой интерес для исследователей. Осознание истоков теории, отслеживание процесса ее формирования, принятия научными кругами разных стран необходимы не только для ее полноценного теоретического осмысления, но и для анализа, прогнозирования успеха применения при разработке политических стратегий. Концепт «мягкой силы» не является исключением: возникнув в 1990 г. в США благодаря политологу Дж. Наю, он уверенно вошел в политологический и политический обороты. Несмотря на популярность концепта мы не можем не указать на ряд проблем, связанных с его освоением учеными разных стран мира. Еще не сложилось единство при построении концептуальной модели мягкой силы, не ясна степень полезности данного западного «продукта» для остального мира. Сохраняет ли он свое содержание или оставляет лишь оболочку, укладываясь в логику двадцать пятой китайской стратегемы: «Выкрасить балки и подменить колонны, не передвигая дома»? Этим проблемным областям будет уделено внимание в данной статье.

Идеи, схожие по своему действию с «мягкой силой», появились задолго до того, как концепт начал обсуждаться в американской политологии. Одним из самых древних источников считаются изречения Лао-Цзы (VII в. до н.э.), полагавшего, что в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет. Примечательно, что китайские исследователи строят современную теорию «мягкой силы» исходя из идей именно этого философа и заключают, что «мягкая сила» является естественной составляющей китайской культуры.

Итальянский философ-марксист А. Грамши в произведении «Тюремные тетради» [1], которое он начал писать в 1929 г., поставил вопрос о культурно-идеологической гегемонии. Данная теория получила признание в кругах американских и западноевропейских неоконсерваторов. Власть господствующего класса, по мысли А. Грамши, держится не только на насилии, но и на согласии. Гегемонию он определяет как благожелательное, активное согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Она опирается на «культурное ядро», поэтому для совершения революции необходима «молекулярная» агрессия в это ядро, протекающая незаметно, посредством издания книг, брошюр, газетных статей, споров и разговоров, которые постоянно повторяются.

Следует отметить еще двух авторов, теории которых созвучны с понятием «мягкой силы». Это концепция соблазна Ж. Бодрийера и концепция обольщения Жюль Липовецки. Последняя, в частности, включает в себя политическое обольщение как орудие политических технологий. Мы полагаем, что концепции А. Грамши, Дж. Най, Ж. Бодрийера, Ж. Липовецки находятся в одном дискурсивном поле, включающем понятия соблазна, обольщения, притяжения, символического воздействия. В результате воздействия данных сил предложения властных инстанций воспринимаются субъектами как внутренний добровольный, свободный выбор.

Можно заметить, что в учении А. Грамши о гегемонии и Дж. Най о «мягкой силе» есть много схожего. Например, в обоих концептах выделяется два вида влияния: согласие и насилие у А. Грамши, «мягкая» и «жесткая сила» у Дж. Най. Оба подчеркивают большое значение, которое имеет культура, ценности, традиции для установления гегемонии. Оба подчеркивают огромную роль гражданского общества, благодаря которому формируется, поддерживается влияние государства. Однако между данными концептами есть различия. А. Грамши, находясь в рамках коммунистической идеологии, полагает, что гегемония необходима для внутривнутриполитической цели – поддержания власти господствующего класса. Дж. Най, напротив, рассматривает «мягкую силу» как инструмент влияния преимущественно на международной арене. Кроме того, можно отметить различие во влиянии «мягких» инструментов властвования. У Дж. Най «мягкая сила» имеет положительную коннотацию: она призвана создавать притягательный образ для привлечения союзников и формирования коалиций. У А. Грамши она имеет отрицательную коннотацию: это сила господствующего класса, который необходимо свергнуть, воздействуя на нее ее же

приемами – подтачивая «культурное ядро», постепенно подготавливая почву для революции.

Если предположить, что существует конкуренция концептов, то в ней победил концепт Дж. Най. Во-первых, в отличие от концептов, ранее существовавших в науке (гегемония, идеология, публичная дипломатия), «мягкая сила» – наиболее удачное определение с точки зрения политической науки, обозначающее внешнеполитический властный ресурс. Понятие «гегемония», с точки зрения А. Грамши, мы уже развели с понятием «мягкой силы». Гегемония в общепринятом смысле – превосходство в силе, влиянии, изначально обозначающее превосходство греческих полисов, будет являться результатом умелого применения «мягкой» и «жесткой» сил. Понятие «идеология» несет другую смысловую нагрузку, нежели «мягкая сила», но они находятся в тесной связи. С одной стороны, содержание «мягкой силы» формируется в контексте определенной идеологии; с другой, привлекательность идеологии увеличивает «мягкую силу» государства. Верно и то, что привлекательность национальной идеологии снижает восприимчивость общества к воздействию на него инструментов «мягкой силы» других стран. Понятие «публичная дипломатия» уже, чем понятие «мягкая сила». Во-вторых, концепт «мягкой силы» соответствует современным западным представлениям о выстраивании международных отношений и поддержании миропорядка, а в-третьих, сам автор концепта всецело способствовал его проникновению и закреплению в научном обороте и практике политики.

Китайские исследователи несколько критично отмечают: «Най сумел донести концепт до массового рынка и превратить его в академическую теорию, актуальную и в политической сфере. Он стал политическим гуру, а не просто ученым. В этом проявляется «мягкая сила» самого Дж. Найа» [14]. Действительно, данный исследователь связан не только с академической средой, но и с миром практической политики. Он занимал пост помощника заместителя госсекретаря по вопросам поддержки безопасности, науки и технологии, был председателем Национального разведывательного совета, представлял США в Комитете по вопросам разоружения при ООН. Введенные им понятия «мягкой силы» и «умной силы» получили популярность среди членов администрации Б. Клинтона, в дальнейшем – администрации Б. Обамы. Рассмотрим его теорию подробнее.

Теория Дж. Найа относится к реляционной концепции власти. Она характеризует власть как отношения между агентами, при которых один из них оказывает влияние на другого, при этом очень важен результат поведения агентов. Дж. Най впервые раскрыл концепт «мягкой силы» в 1990 г. в работе «Обреченные быть лидером: меняющаяся природа американской власти». В ней он указал на три измерения власти, которыми обладают США: 1) военное, 2) экономическое, 3) измерение, которое он назвал «мягкой силой» [18].

Определение Дж. Найа «мягкой силы» менялось со временем. Одна из ранних версий определения следующая: «Мягкая сила – это способ-

ность достигать необходимых результатов посредством притяжения, а не принуждения или платежей. Если вы можете заставить других желать то, чего вы желаете, вам не придется тратить много ресурсов на кнут и пряник, чтобы заставить их двигаться в нужном направлении» [19, с. 10]. Позднее он расширил это определение: «Мягкая сила – это способность оказывать влияние на других через поиск союзников, разработку повестки дня, убеждение, создание притяжения в целях достижения предпочтительного результата» [17, с. 20-21].

«Мягкая сила» опирается на способность формировать предпочтения других. Ресурсы «мягкой силы» связаны со способностью привлекать союзников. Это привлечение часто ведет к молчаливому согласию, в то время как ресурсы «жесткой силы» обычно ассоциируются с принуждающим поведением (санкциями, подкупом, применением силы).

В качестве ресурсов «мягкой силы» Дж. Най выделял привлекательность культуры и идеологии, международные институты, а позднее – культуру (там, где она является привлекательной для других), политические ценности (когда они популярны внутри страны и за рубежом) и внешнюю политику (когда ее считают легитимной, имеющей моральный авторитет) [19, с. 10]. Многие исследователи, принимая данную классификацию Дж. Найа, склонны из этого ряда ресурсов «мягкой силы» заострять внимание на привлекательности культуры и образа жизни. Способность США проецировать свое внимание на международной арене они объясняют не только военным и экономическим потенциалом, но и популярностью американских фаст-фуда, кинофильмов, музыки и прочих проявлений массовой культуры. Такая точка зрения опровергается феноменом снижения «мягкой силы» США в начале XXI в., проявляющегося в усилении антиамериканизма в мире, в условиях сохранения высокой популярности американской массовой культуры [7, с. 20].

В этой связи представляется, что гораздо большую значимость для оценки «мягкой силы» имеют идеология и институты. Насаждение определенных стандартов, правил и норм поведения, которыми должны руководствоваться государства в реализации как внутренней, так и внешней политики, придание им статуса общепринятых и универсальных, создание соответствующих международных институтов, пропагандирующих эти нормы – все это проявления «мягкой силы». Массовая культура, информационные технологии служат проводником, насаждающим эти нормы.

Вслед за Дж. Наем исследователи из разных стран сделали «мягкую силу» предметом своего исследования». Можно выделить три позиции по отношению к данному концепту.

1. Принятие идей Дж. Найа и применение их по отношению к определенным государствам. Например, К. Вагнер использует классификацию ресурсов «мягкой силы» Дж. Найа в исследовании потенциала «мягкой силы» Индии в области культуры, политических ценностей и внешней политики [21].

2. Признание важности «мягкой силы» в современном мире и в то же время самостоятельные попытки переосмыслить данный концепт. Так,

Ш. Бреслин полагает, что важно разграничивать «мягкую силу» в традиционном понимании термина и нежесткую силу как обратное явление для силовых методов влияния. «Мягкая сила», по его мнению, – лишь один из четырех компонентов нежесткой силы: «мягкая сила» как скрытая сила притяжения; продвижение национального имиджа; продвижение нормативной силы и воображаемая власть (миф о настоящем или будущем величии государства) [11, с. 8].

3. Критика концепта «мягкой силы». Чаще всего на этой позиции стоят ученые, принадлежащие к школе реалистов, подчеркивающие важность обладания такими «жесткими» ресурсами, как территория, природные ресурсы, состояние промышленности, экономическая и военная мощь. Они признают «мягкую силу» несостоятельной по сравнению с «жесткой силой», подчеркивают ее неудобство, так как реальный успех стратегий «мягкой силы» невозможно отобразить в денежном выражении или статистике. Они указывают на то, что существуют конфликты, которые невозможно разрешить невоенными средствами. Самое большое неудобство, связанное с использованием «мягкой силы», – невозможность полного ее контроля со стороны правительства, в отличие от вооруженных сил страны. Кроме того, это орудие не только не контролируемое, но и неточное: нельзя с абсолютной вероятностью предсказать, будут ли стратегии «мягкой силы» эффективны в конкретном регионе мира из-за влияния локального контекста [12].

Приведенные выше примеры попыток критики «мягкой силы» все же находятся в меньшинстве. В подавляющем большинстве работ, посвященных «мягкой силе», при анализе исторической динамики подчеркивается повышение значения «мягкой силы» в международных отношениях и понижение значимости «жесткой силы». Данная тенденция связывается с осознанием разрушений, вызванных второй мировой войной, и последовавшим после нее созданием Организации Объединенных Наций, призванной избавить будущие поколения от бедствий войны. Приоритетом развития государств стало увеличение их конкурентоспособности с использованием преимущественно невоенных методов.

Сам автор концепта «мягкой силы» Дж. Най полагает, что изменению роли военной силы способствовали следующие факторы: прогресс науки и технологий, увеличивший политическую и социальную стоимость использования военной силы для достижения побед; современные коммуникационные технологии, усилившие степень и масштаб распространения национализма, который затруднил правление империям традиционного типа; стремление населения постиндустриальных демократий к благосостоянию, а не к славе, благодаря чему использование военных сил стало требовать серьезных моральных оправданий [19, с. 18-19].

Для азиатских исследователей решающее значение имеют два фактора, которые делают «мягкую силу» актуальным инструментом политики: 1) нарастают сложности во взаимоотношениях носителей западных (США, Европа) и азиатских (индуистский, конфуцианский, мусульманский миры) культурно-религиозных цивилизационных идей. В этом слу-

чае «мягкая сила» – это возможность не идти по пути конфронтации, а «мягкое» соревнование при формировании положительного имиджа на международной арене через использование механизмов гуманитарного, культурного, экономического планов [3]; 2) «мягкая сила» функционирует не только в международном, но и во внутринациональном пространстве, поэтому ее можно использовать для создания консолидирующей социум идеи, осевого фактора развития. То есть, несмотря на то, что данная концепция относится к области теории международных отношений, ее вполне возможно применять и во внутренней политике. «Мягкая сила» способна сплавлять людей, способствовать стабилизации социальных отношений, ослаблять недоверие в современной ситуации напряженности между различными социальными слоями, возрастными и конфессиональными группами. Эту способность высоко оценивают исследователи и политики стран Азии. Так, в Китае ожидается, что «мягкая сила» будет способствовать гармонизации социальных отношений и укреплению национальной идентичности.

Таким образом, большинство исследователей полагают, что несмотря на то, что военная сила по-прежнему играет весомую роль в борьбе с террористами, в гражданских войнах и межнациональных конфликтах значение «мягкой силы» очень выросло по сравнению с предыдущими периодами истории. Осознание важности концепта, его принятия в академических и политических кругах породило большое количество попыток создания рейтингов «мягкой силы». Сам Дж. Най, создав концепт «мягкой силы», не предложил методологии ее оценки. Он лишь выделил ряд показателей, по которым можно судить о том, что страна обладает «мягкой силой» (например число нобелевских лауреатов, хорошая экология, оказание гуманитарной помощи, продолжительность жизни и некоторые другие). Воздействие «мягкой силы» он предлагает оценивать по ее результату: сложился ли притягательный образ страны в глазах международного сообщества, является ли ее политика легитимной, а ценности разделяются всеми. Отсутствие ясной, четкой системы оценки «мягкой силы» у Дж. Ная вызвало желание в научных центрах разработать собственную методологию.

Institute for Government (британская организация, направленная на повышение эффективности государственного управления) предложил вычислять рейтинг «мягкой силы» на основе учета субъективных и объективных критериев [15]. Было выделено пять компонентов «мягкой силы»: культура, правительство, образование, дипломатия, бизнес, каждый из которых содержал подкомпоненты. Данные были взяты из отчетов различных международных или национальных организаций (например у Всемирной организации интеллектуальной собственности, Transparency International и др.). Субъективная оценка «мягкой силы» получилась на основе данных журнала «Монокль». Попытку создать рейтинг «мягкой силы» предприняли и российские ученые: московский институт исследования быстроразвивающихся рынков «Сколково» совместно с компанией «Ernst & Young» рассчитали количественный индекс «мягкой силы» [20].

Среди критериев – показатели туристических и миграционных потоков, верховенство закона, число олимпийских медалей, знание английского языка населением страны, размер выброса CO₂ и др.

Примечательно, что результаты измерений разнятся: страны имеют неодинаковые позиции в рейтингах. Получается, что результат исследования индекса «мягкой силы» находится в прямой зависимости от выбранных критериев. Оценки могут быть относительно объективны, но могут оказаться результатом ангажированной позиции исследователей. Мы полагаем, что изучение исключительно статистических показателей может привести к неудовлетворительному результату: картина мира будет неполная, однобокая. Ее обязательно надо дополнять результатами опроса общественного мнения.

В интерпретации данных к обоим рейтингам постулируется заинтересованность Китая в наращивании «мягкой силы», причем в первую очередь она вытекает из его экономической мощи, которая позволяет ему вливать инвестиции для развития «мягкой силы». Например, создание в последние годы тысячи китайских культурных и языковых центров помогло распространению китайского языка, привлечению иностранных студентов. Государственные субсидии китайским спортсменам повлияли на успехи олимпийской сборной страны. Тем не менее фиксируется значительный перевес «жесткой силы» по отношению к «мягкой». Рассмотрим подробнее, как оценивается «мягкая сила» китайскими научными центрами.

Китайские исследователи указывают на исторические корни идеи «мягкой силы», которые можно найти в истории страны. Отсюда – тезис о гармоничности, естественности данного концепта для китайского общества сегодня. Действительно, идею «мягкой силы» можно найти в учениях Конфуция, Лао-цзы и Сунь-цзы, однако у них она еще не приняла вид целостной теории.

Термин «мягкая сила» хоть и встречался в китайской научной литературе с 90-х гг. XX в. по 2007 г., но процесс полноценного осмысления данного концепта начался после оглашения доклада на XVII съезде КПК (октябрь 2007 г.), в котором были выдвинуты конкретные задачи увеличения использования «мягкой силы» государства по четырем направлениям в рамках строительства социализма с китайской спецификой: 1) «создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии»; 2) «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»; 3) «широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации»; 4) «продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры» [9, с. 150].

За оглашением политической воли руководства последовали обсуждения в прессе, а различные китайские организации и научно-исследовательские институты способствовали растущей популярности концепта «мягкой силы». Конференции и другие научные мероприятия, посвященные проблеме «мягкой силы», проводились в университете Фудань (Шан-

хай), Китайском институте исследования современных международных отношений (CICIR, Пекин), Институте стратегических исследований Центральной партийной школы. Министерство образования КНР выдает гранты для исследования данного концепта.

В течение длительного времени после того, как Дж. Най ввел термин «мягкая сила», работы китайских ученых были почти исключительно сосредоточены на внедрении и оценке понятия. Однако в последние годы китайские труды по этой теме стали охватывать более широкий спектр тем: критические обзоры концепции Дж. Най, использование «мягкой силы» для мирного возвышения Китая и его развития, а также китайские стратегии в наращивании и использовании «мягкой силы» в международной политике.

Тем не менее китайское понимание «мягкой силы» во многом продолжает концептуальные рамки, предложенные Дж. Наем. Подавляющее большинство китайских аналитиков следует определению Най: «мягкая сила – это возможность получить то, что вы хотите за счет привлечения, а не принуждения или платежей» [19, с. 10]. Они также в значительной степени принимают ресурсы «мягкой силы», определенные Дж. Наем: культура, политические ценности и внешняя политика.

Однако обсуждение «мягкой силы» в Китае имеет более широкий охват, а иногда и подчеркивает области, которым Дж. Най уделял мало внимания. В исследовании Центра стратегических и международных исследований [16, с. 12] указывается, что первую статью о «мягкой силе» написал профессор университета Фудань В. Хунин, который с 2007 г. по 2012 г. был членом Секретариата ЦК КПК. В той статье, опубликованной в 1993 г., В. Хунин утверждает, что культура является главным источником «мягкой силы» государства. Китайские аналитики с тех пор следуют данному центральному тезису. Это заметно в выступлениях китайских лидеров и многочисленных научных работах. Традиционная китайская культура, высоко ценящая принцип гармонии между людьми, между человеком и природой, между государствами, создает альтернативу современной западной цивилизации, породившей экологические проблемы, международные и региональные конфликты, путаницу в социальной этике. В то же время подход, приписывающий особую роль культуре, часто критикуют китайские исследователи: 1) с утилитарной точки зрения, культурный сектор КНР значительно отстает от западных стран в торговле культурной продукцией; 2) традиционная китайская культура не может предложить миру действительно привлекательные продукты или идеи, кроме того, в нее уже проникли западные веяния.

Помимо культуры, источником «мягкой силы» страны признается китайская модель развития. Постепенный переход КНР к реформам и открытости предоставил новую альтернативу классической теории модернизации и «Вашингтонскому консенсусу» (сочетание рыночной экономики и демократического правительства) для слаборазвитых стран. Мы полагаем, что так называемый «Пекинский консенсус» (авторитарное правительство

плюс рыночная экономика) – это ситуационная «мягкая сила». Она может принести неплохие дивиденды в странах Африки, Латинской Америке, некоторых частях Азии, но не даст желаемого результата в Северной Америке или Западной Европе.

Выходя за рамки концептуального определения, данного Дж. Наем, китайские аналитики создают собственные модели «мягкой силы». Например, выделяются три источника «мягкой силы»: 1) институциональная власть (способность государства предлагать и выстраивать новые международные институты); 2) идентифицирующая власть (влияние государства на другие страны путем признания его ведущей роли); 3) ассимилирующая власть, то есть притягивающие к себе культурные ценности, идеология, социальная система [13].

Особенностью китайского дискурса является склонность рассматривать «мягкую силу» как инструмент, применяемый не только во внешней, но и во внутренней политике. Китайские аналитики склонны рассматривать «мягкую силу» как средство для укрепления национальной сплоченности, общественной морали, улучшения качества образования, для внутривнутриполитического институционального строительства.

В целом же в китайском дискурсе сложились две точки зрения по отношению к «мягкой силе»: оптимистическая и пессимистическая. Оптимистически настроенные исследователи подчеркивают большой потенциал страны, утверждают, что Китай имеет все элементы «мягкой силы». Пессимисты указывают на дисбаланс «мягкой» и «жесткой» сил, отсутствие внятной повестки дня, разрыв между уверенной внешней политикой и проблемами во внутривнутриполитической системе, отсутствие на международной арене китайских НПО, которые должны быть одним из проводников «мягкого влияния». Но даже те, кто считает «мягкую силу» слабым звеном в стратегическом планировании Китая, подтверждают, что она может быть важным компонентом в будущем. Таким образом, мы можем стать свидетелями победы либо поражения китайского подхода к приоритету относительности и сохранения культурного, политического многообразия по отношению к американской пропаганде универсального характера своей идеологии.

Российские ученые также недавно стали использовать термин «мягкая сила». Активному использованию термина в СМИ способствовало его употребление высшими должностными лицами России.

На сегодняшний день в нашей стране сложился круг авторов, сделавших концепт «мягкой силы» специальным предметом своих исследований. В их число входят В.М. Капицын, М.М. Лебедева, Е.Г. Пономарева, О.Ф. Русакова, О.В. Столетов и др. В настоящее время в МГИМО (Москва) и в Институте философии и права УрО РАН (Екатеринбург) формируются научные центры по изучению «soft power». Российскими исследователями ведется поиск концептуального ядра «мягкой силы», выявляются препятствия на пути использования стратегии «soft power» в политических практиках. Тематика работ различна: анализ «мягкой силы», осмысление и

критика статей Дж. Ная, исследование «мягкой силы» во внешней политике США, Китая, России и др.

Отечественные исследователи по-разному переводят на русский язык словосочетание *soft power*. Мы можем встретить следующие переводы: «мягкая сила», «мягкая власть» и др. Стоит отметить, что понятие «сила» давно вышло за пределы физической области. Оно может трактоваться как физическая или моральная возможность активно действовать, могущество, влияние, власть. Интуитивно данное понятие все-таки ближе к своим истокам – физическим действиям. Отсюда словосочетания: «заставить силой», «вооруженные силы», «военно-воздушные силы», «применять силу». Учитывая, что термин *soft power* возник как противоположность *hard power* (то есть силе в ее классическом смысле, включающей насилие и принуждение), уместно переводить его как «мягкая сила». Существует иная точка зрения: «Представляется, что именно словосочетание «мягкая власть» наилучшим образом соответствует описываемому явлению, так как речь идет о способности изменять поведение других акторов, заставляя их опосредованно делать то, что они в ином случае не сделали бы, то есть это категория именно власти, а не силы или мощи» [6]. Мы полагаем, что так как власть – это возможность и способность навязывать свою волю, воздействовать на деятельность поведение других людей, данный перевод также возможен.

Одним из российских исследователей, внесших вклад в изучение концепта «мягкой силы», является О.Ф. Русакова. Она полагает, что на международной арене «мягкая сила» является важным ресурсом внешнеполитической мощи стран, претендующих на статус мирового центра или полюса власти, а на государственном уровне «соединение силовых механизмов власти с маркетинговыми коммуникативными практиками *soft power* придает властным структурам устойчивое равновесие, сообщает им необходимую гибкость и подвижность. Это происходит в силу того, что «мягкая власть» обладает способностью формировать, удерживать и воспроизводить такие нематериальные источники и виды легитимации, как лояльность, согласие, признание, идентичность...» [8, с. 187].

Е.П. Панова выделила долгосрочные и краткосрочные инструменты «мягкой власти». В краткосрочном периоде наиболее эффективны СМИ, традиционные и новые социальные медиа. В долгосрочной перспективе опора идет не на риторику, а на практику: привлекательность модели развития государства, высокий уровень жизни, экономические и социальные достижения, предоставление услуг высшего образования, развитие наук [6].

Нами предпринята попытка создания модели рассматриваемого концепта. Мы полагаем, что «мягкая сила» включает в себя два измерения: 1) *состояние*: «мягкая сила» – это постоянно поддерживаемое состояние привлекательности государства; это привлекательность культуры, идеологии, ценностей, проводимой политики; 2) *ресурс*: это мера возможности государства влиять на повестку дня, выстраивать коалиции, формировать международный порядок, мобилизационная возможность. Измерение со-

стояния определяет сферу применимости ресурса. Целенаправленно или случайно государство на любой момент времени сформировало множество различных образов, с которыми взаимодействуют внешние субъекты воздействия. Любое следующее политическое действие или даже бездействие всего лишь корректируют существующий контекст взаимоотношений.

При этом мягкая сила неразрывно связана с политическим действием, являясь его декларативным атрибутом для данного контекста. Субъектами «мягкой силы» могут выступать государство, НПО, ТНК и даже отдельные личности. Действие включает в себя исключительно намерения, а истолкование одного и того же события зависит от контекста. Истинный и декларативный атрибуты действия не обязательно совпадают, точно так же действие может не нести осознанного декларативного подтекста. Осознанное применение мягкой силы – это инструмент корректирования контекста взаимоотношений. С помощью стратегического управления декларативным атрибутом политического действия можно достичь желаемого изменения контекста взаимоотношений или зародить новый контекст. Поэтому использование мягкой силы – это искусство декларирования действий в существующей политической обстановке для ее коррекции.

Нельзя не отметить огромный интерес исследователей к вопросам разработки стратегий «мягкой силы» России в условиях современного мира. Признается, что рост «мягкой силы» страны является важной задачей, позволяющей обеспечить ее безопасность и повысить эффективность внешней политики, а регион, в котором с успехом может быть использован ресурс «мягкой силы», – страны бывшего СССР [2, с. 123]. Недостаточное использование «мягкой силы» связывается с отсутствием целенаправленной государственной политики в области поддержания положительных и нейтрализации негативных стереотипов, формирования имиджа России в новых независимых государствах, эффективного брендинга и репутационного менеджмента нашей страны. Кроме того, подчеркивается необходимость поддержки интереса к русскому языку и культуре на пространстве СНГ, что также является частью стратегии «мягкой силы» [4, с. 66].

Характерно, что в некоторых статьях «мягкая сила» оценивается не как механизм, которым Россия уже овладела, а как угроза, исходящая от Запада и ряда восточных государств. Попыткой преодолеть это беспокойство и нарастить «мягкую силу» нашей страны являются инициативы высшего руководства страны, нашедшие отражение в «Концепции внешней политики РФ» от 12 февраля 2013 г. Данный документ лишь провозглашает необходимость овладения механизмами «мягкой силы», не раскрывая конкретных шагов. Анализом стратегий «мягкой силы» России занимается не только академическое сообщество, но и государственные органы: Общественная палата РФ (в частности Комиссия по международному сотрудничеству и общественной дипломатии), Россотрудничество, а также фонды, созданные указом Президента РФ («Русский мир» и Фонд поддержки общественной дипломатии им. А.М. Горчакова).

Россотрудничеству (Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству) принадлежит лидирующая роль в издании справочно-аналитического материала по тематике «мягкой силы», а также в воплощении данной теории в международной политике. Среди значимых инициатив данной организации – предоставление грантов иностранным студентам, развитие образования на русском языке за рубежом, организация академических обменов, молодежные контакты в рамках спортивных соревнований, фестивалей, помощь русской диаспоре, деятельность по формированию кадров руководящих работников [5]. Приоритетными регионами, на которые направлены данные задачи, являются СНГ, Центральная Азия и Южный Кавказ, что логично с точки зрения геополитики: России нужно поддерживать лимитроф – пояс стабильности и безопасности, образованный дружественными государствами. Усилению «мягкой силы» России должно способствовать изменение в стратегии оказания помощи другим государствам (раньше реципиенты нередко не знали об источнике денежной поддержки, сейчас средства пойдут на двусторонние проекты с указанием отправителя помощи), а также увеличение бюджета Россотрудничества до 9,5 млрд руб. [10].

Таким образом, можно констатировать, что концепт «мягкой силы» прочно закрепился в научной литературе. Это произошло из-за того, что он оказался полезным для адекватного осмысления и объяснения тенденций, происходящих в современных международных отношениях. Мы определили, что пока еще не сложилось единства в определении «мягкой силы» и выделения ее структуры, и дали свою версию трактовки концепта. В результате анализа дискурсов «мягкой силы» в китайской и российской академической среде обнаружилось, что в обеих странах поток работ, посвященных данной проблематике, возрос после обозначения вектора наращивания «мягкой силы» высшим руководством этих стран. Проблемы, которые признают российские и китайские исследователи, в целом, схожи: это государственно-бюрократический подход при наращивании «мягкой силы», проблемы с формированием гражданского общества, тогда как большую часть «мягкого влияния» образуют неправительственные структуры.

Создание внешнего притяжения невозможно без соответствующих социальных, экономических и политических изменений внутри стран. Мы полагаем, что ни у Китая, ни у России еще не выработано глобальной идеи, адекватной современным условиям, притягательной для многих стран мира. Пока все идеи носят региональный характер: «мягкая сила» Китая направлена в большей степени на Африку, Азию, Южную Америку, а России – на пространство СНГ. В других регионах мира она оказывается несостоятельной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Граммш А.* Тюремные тетради. М. : Изд-во полит. лит., 1991. 560 с.
2. *Казанцев А.А., Мерукушев В.Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // ПОЛИС : Полит. исслед. 2008. № 2. С. 122-135.

3. *Каримова Г.И.* Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках азиатских цивилизационных пространств [Электронный ресурс] // Center for political studies. URL: <http://cps.uz/analitika-i-publikatsii/vozmozhnosti-primeneniya-strategii-%C2%ABmyagkoi-sily%C2%BB-v-ramkakh-aziatskikh-tsivi> (дата обращения: 04.05.2013).
4. *Касирин Г.Б.* «Для России приоритет пространства СНГ очевиден...» // Свободная мысль. 2010. № 12. С. 65-76.
5. «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития [Электронный ресурс] : справочно-аналит. материал к заседанию Рос. обществ. совета по междунар. сотрудничеству и публичной дипломатии // Общественная Палата Рос. Федерации. URL: oprfr.ru/files/dok2012/myagkaya_sila31102012.doc (дата обращения: 07.05.2013).
6. *Панова Е.П.* «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике [Электронный ресурс] : дис. ... канд. полит. наук. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs2/index-593405.html> (дата обращения: 12.01.2013).
7. *Радиков И., Лексютина Я.* «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // МЭиМО : Мировая экономика и междунар. отношения. 2012. № 2. С. 19-26.
8. *Русакова О.Ф.* Концепт «мягкой «силы (Soft power) в современной политической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173-192.
9. *Цзайци Лю* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // ПОЛИС : Полит. исслед. 2009. № 4. С. 149-155.
10. *Черненко Е.* «Мягкую силу» снабжают средствами [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2013. 5 июня. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2204815> (дата обращения: 06.06.2013).
11. *Breslin S.* The Soft Notion of China's 'Soft Power'. Asia Programme Paper: ASP PP 2011/03 [Электронный ресурс]. 2011. 18 p. // Chatham House : independent thinking on international affairs. URL: <http://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/109577> (дата обращения: 06.06.2013).
12. *Gray C.S.* Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/PUB1059.pdf> (дата обращения: 02.02.2013).
13. *Li M.* Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics [Электронный ресурс]. URL: http://aleria.info/temp/ht5m03jtj_8559.pdf (дата обращения: 02.02.2013).
14. *Lo A.* Joseph Nye's soft power concept is lame [Электронный ресурс] // South China Morning Post. URL: <http://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/1227782/joseph-nyes-soft-power-concept-lame?page=all> (дата обращения: 06.05.2013).
15. *McClory J.* The New Persuaders II. A 2011 Global Ranking of Soft Power [Электронный ресурс]. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20New%20PersuadersII_0.pdf (дата обращения: 04.05.2013).
16. *McGiffert C.* Chinese Soft Power and Its Implications for the United States [Электронный ресурс]. 2009. 129 p. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/090305_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf (дата обращения: 17.06.2013).
17. *Nye J.* The Future of Power. New York : Public Affairs, 2011. 320 p.
18. *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York : Basic Books, 1990. 307 p.
19. *Nye J.* Soft Power. The means to success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.
20. Rapid-growth markets soft power index, Spring 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (дата обращения: 03.05.2013).
21. *Wagner C.* India's Soft Power: Prospects and Limitations. India Quarterly // A Journal of International Affairs. 2010. Vol. 66, № 4, dec. P. 333-342.

Материал поступил в редколлегию 28.06.2013 г.

Daria M. Kovaleva, post-graduate student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: dmkovaljova@mail.ru

**CONCEPT OF *SOFT POWER* AS SUBJECT OF STUDY
OF MODERN POLITICAL SCIENCE AND THEORETICAL BASIS
FOR FOREIGN POLICY STRATEGY**

Abstract: The article investigates the concept of «soft power» in the context of contemporary political science and practice of international relations. The author consistently examines sources of the concept in the history of political and philosophical thought, as well as its current status. She concludes that the concept of «soft power» was put forward by Joseph S. Nye and became important for political science after his efforts to clarify the concept. In addition, it happened due to the concept's consistency with the contemporary understanding of preferred forms of regulation of international relations and maintenance of world order, as well as its cognitive capacities (adequate understanding and explanation of global trends). The author offers her own vision of definition and model of the phenomenon. It is shown that the methodology of the assessment of states' «soft power» has not taken shape yet; thus, the use of results of statistical data without poll results leads to unsatisfactory conclusion. Particular attention is paid to the analysis of strategic discourses of «soft power» in Russian and Chinese political science research centers. Despite a number of common problems, scientists from both countries acknowledge that «soft power» has become part of the national strategy.

Keywords: concept, soft power, international relations, foreign policy strategy.

*The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below*

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. Gramshi A. Tjurennye tetradi. M. : Izd-vo polit. lit., 1991. 560 s.
2. Kazancev A.A., Merukushev V.N. Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya «mjagkoj sily» // POLIS : Polit. issled. 2008. № 2. S. 122-135.
3. Karimova G.I. Vozmozhnosti primeneniya strategii «mjagkoj sily» v ramkah aziatskih civilizacionnyh prostranstv [Jelektronnyj resurs] // Center for political studies. URL: <http://cps.uz/analitika-i-publikatsii/vozmozhnosti-primeneniya-strategii-%C2%ABmyagkoj-sily%C2%BB-v-ramkakh-aziatskih-tsvi> (data obrashhenija: 04.05.2013).
4. Kasirin G.B. «Dlja Rossii prioritet prostranstva SNG ocheviden...» // Svobodnaja mysl'. 2010. № 12. S. 65-76.
5. «Mjagkaja sila» Rossii v novom tysjacheletii: imejushhij potencial i perspektivy razvitiya [Jelektronnyj resurs] : spravочно-analit. material k zasedaniju Ros. obshhestv. soveta po mezhdunar. sotrudnichestvu i publichnoj diplomatii // Obshhestvennaja Palata Ros. Federacii. URL: opr.f.ru/files/dok2012/myagkaja_sila31102012.doc (data obrashhenija: 07.05.2013).
6. Panova E.P. «Mjagkaja vlast'» kak sposob vozdejstvija v mirovoj politike [Jelektronnyj resurs] : dis. ... kand. polit. nauk. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs2/index-593405.html> (data obrashhenija: 12.01.2013).
7. Radikov I., Leksjutina Ja. «Mjagkaja sila» kak sovremennyj atribut velikoj derzhavy // MJeIMO : Mirovaja jekonomika i mezhdunar. otnosheniya. 2012. № 2. S. 19-26.
8. Rusakova O.F. Koncept «mjagkoj «sily (Soft power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-nija Ros. akademii nauk. 2010. Vyp. 10. S. 173-192.
9. Czajci Lju. «Mjagkaja sila» v strategii razvitiya Kitaja // POLIS : Polit. issled. 2009. № 4. S. 149-155.

10. *Chernenko E.* «Mjagkuju silu» snabzhajut sredstvami [Jelektronnyj resurs] // *Kommersant*. 2013. 5 ijunja. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2204815> (data obrashhenija: 06.06.2013).
11. *Breslin S.* The Soft Notion of China's 'Soft Power'. Asia Programme Paper: ASP PP 2011/03 [Jelektronnyj resurs]. 2011. 18 p. // Chatham House : independent thinking on international affairs. URL.: <http://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/109577> (data obrashhenija: 06.06.2013).
12. *Gray C.S.* Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/PUB1059.pdf> (data obrashhenija: 02.02.2013).
13. *Li M.* Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics [Jelektronnyj resurs]. URL: http://aleria.info/temp/hti5m03jtj_8559.pdf (data obrashhenija: 02.02.2013).
14. *Lo A.* Joseph Nye's soft power concept is lame [Jelektronnyj resurs] // *South China Morning Post*. URL: <http://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/1227782/joseph-nyes-soft-power-concept-lame?page=all> (data obrashhenija: 06.05.2013).
15. *McClory J.* The New Persuaders II. A 2011 Global Ranking of Soft Power [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20New%20PersuadersII_0.pdf (data obrashhenija: 04.05.2013).
16. *McGiffert C.* Chinese Soft Power and Its Implications for the United States [Jelektronnyj resurs]. 2009. 129 p. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/090305_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf (data obrashhenija: 17.06.2013).
17. *Nye J.* The Future of Power. New York : Public Affairs, 2011. 320 p.
18. *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York : Basic Books, 1990. 307 p.
19. *Nye J.* Soft Power. The means to success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.
20. Rapid-growth markets soft power index, Spring 2012 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (data obrashhenija: 03.05.2013).
21. *Wagner S.* India's Soft Power: Prospects and Limitations. *India Quarterly // A Journal of International Affairs*. 2010. Vol. 66, № 4, dec. P. 333-342.